

26 ОКТ 1943

Московский Художественный театр

(К 45-летию со дня основания театра)

Московский Художественный театр отмечает 45-летие своей творческой жизни. В условиях войны мы не собираемся устраивать по этому поводу пышный юбилейный праздник. Важнее любых юбилейных торжеств, которых и без того было много на нашем веку, наше общее радостное сознание: дело, которому посвящено из нас столько жизни, не только не истощилось и не умерло, но расцвело, пустило новые корни в современное искусство. И теперь, в трудные дни войны, оно пользуется особым признанием и любовью нашего народа.

С непреодолимым волнением я думаю о том, что в день 45-летия мне предстоит снова выступить в роли папа Фёдора Иоанновича в прославленном спектакле, которым когда-то мы начинали свою сценическую жизнь. Спектакль «Царь Фёдор Иоаннович», вероятно, памятен и зрителям старшего поколения. Для нас же он связан с самыми дорогими воспоминаниями о нашей юности.

Ни одного громкого имени не было на сцене среди исполнителей первого представления этой исторической трагедии Алексея Толстого, которой Художественный театр начинал свой путь. Группа молодых актёров, объединённая двумя замечательными людьми нашей эпохи — Константином Станиславским и Владимиром Немировичем-Данченко, вступала в жизнь во всеоружии молодости, горячей влюблённости в своё дело, веры в рождение нового искусства, согретого правдой жизни и искренностью переживания.

Тот, кто заглянул бы накануне открытия театра за кулисы, легко понял бы одну из главных причин его первой творческой победы: он стал бы свидетелем одинокого трепетного волнения за судьбу обще-

го дела, истинного содружества учеников и учителей, руководителей и рядовых членов труппы. Мы были одержимы страстной волей к торжеству наших эстетических идеалов, и это помогало нам преодолевать все трудности.

Мы не боялись трудностей. Наоборот, именно труд театра, всепроникающий, огромный, захватывающий каждого члена коллектива целиком, больше всего и привлекал нас. Так нас воспитывали наши учителя, сразу раскрывшие перед нами всю глубину предстоящей работы над собой. Ведь мы мечтали об общедоступности нашего театра, о спектаклях, близких к передовым демократическим идеям и к большой литературе. Мы хотели воздействовать на зрительный зал не эффектом и не декламационным пафосом, а глубокой и сильной правдой чувств. Мы стремились сделать свои спектакли подобными сложнейшему и тончайшему механизму, в котором самое ничтожное колёсико должно быть идеальным, иначе весь механизм потрясет внутренний смысл.

Нам на помощь пришли новые драматурги. Молодой Художественный театр бредил Чеховым, впитывал в себя чеховскую мечту о будущей «невообразимо прекрасной жизни». В постановках Станиславского и Немировича-Данченко страдания и мечты чеховских героев должны были казаться слиявшимися в зрительном зале их собственными страданиями и мечтами. А на другой день на этой же сцене разгоралась мужественная революционная мысль Максима Горького и оживали перед зрителем его новые, ещё неведанные образы, властно подчинявшие себе воображение. Играя пьесы Чехова и Горького, создавая образы своих живых современников, мы, актёры, не могли уже пользоваться штам-

пованными приемами сценического ремесла. Эти писатели укрепляли нас на путях жизненной правды. Они требовали от нас и от наших режиссёров глубокого психологического анализа и большой душевной тонкости, а главное — искренности и чуткости.

Мы порою увлекались погоней за полным правдоподобием, мелкой, натуралистической, житейской правдой. Но Немирович-Данченко и Станиславский умели вовремя предостеречь нас от этого и дать нужный тон всей нашей внутренней театральной жизни. Театр наш рос и развивался в сложных и часто мучительных исканиях. От натуралистических увлечений мы переходили к условным постановкам и в них порою искали какого-то общечеловеческого, более высокого содержания искусства. И снова, и снова возвращались мы к великой традиции русского реализма, но уже без накипи мелких чувств и мелких жизненных подробностей. Так Художественный театр вошёл на сцену произведения Льва Толстого и Достоевского, нашего великого национального поэта Пушкина, тонкую лирическую поэзию Тургенева, гневную сатиру Салтыкова-Щедрина, классические пьесы Островского. Вместе с тем наш художественный кругозор расширился соприкосновением с классической драматургией Запада, когда мы ставили прославленные произведения Шекспира, Мольера, Гольдони, Байрона, Ибсена.

Когда наши учителя мечтали, создавая Художественный театр, сделать его общедоступным, когда они строили его главным образом «для небогатого класса населения», по их собственному выражению, вряд ли могли они и думать, что этой мечте суждено так блестяще, так великолепно осуществиться через много лет. Это сделала Великая Октябрьская революция. Россия любила свой Художественный театр и до революции. Но никогда прежде мы не ощущали в такой степени своей близости к народным массам. И никогда эта близость не была такой плодотворной для са-

мого нашего искусства. Революция заставила нас уже зрелыми художниками. Сколько нового, ценного, доброго революция принесла в наше творчество и в наши взгляды на жизнь!..

Свободные от материальных забот, мы смогли направить все душевные силы на углубление и расширение своих творческих задач. Целый ряд больших, этапных спектаклей создан Художественным театром за эти двадцать шесть лет, целые поколения молодых русских актёров, драматургов и художников воспитаны им за это время.

Нас окружают бесчисленные новые зрители, которых прежде не было доступа в театр, они жадно тянутся к нашему искусству, чутко впитывают его в себя, увлекаются им, спорят о нём, не дают нам застояться на одном месте. Взять хотя бы красноармейскую аудиторию — нашего теперешнего военного зрителя, самого дорогого для нас сейчас. Это — лучшая русская молодёжь в большинстве своём. Смело могу сказать, что более чуткого, более восприимчивого зрителя я не знал никогда в жизни. И высшая наша награда — это дружба с такими людьми, возникающая в моменты наших творческих общений, которую мы находим в стенах театра в Москве, а ещё чаще — в самых воинских частях, куда выезжают наши актёры, на фронте — в землянках и блиндажах, где происходят концерты наших артистических бригад.

Эта драгоценная дружба налагает на нас громадную ответственность — ответственность за каждый наш шаг в искусство. Ощущать её необычайно радостно и волнительно для каждого из нас. И наше единственное желание — в дни войны оправдать своим художественным трудом ту народную любовь, которую имел счастье заслужить Московский Художественный театр.

Иван МОСКВИН,
народный артист СССР.